

ПОДПАРАМЕТР «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» В СИНХРОННОЙ МОДЕЛИ «БУДУЩЕЕ РОССИИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ XIX–XX ВЕКОВ)

О.А. Солопова

В фокусе внимания настоящей статьи – результаты исследования закономерностей образа будущего России сквозь призму модели статической матрицы в рамках когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего. Статья ограничена рамками такого подпараметра модели как «население». Материалом для исследования послужили аналитические статьи политических дискурсов Российской империи, США и Британской империи XIX–XX вв. Выделены общие черты и особенности в моделировании рассматриваемого индикатора в политических дискурсах трех стран.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивное исследование, образ будущего, модель, параметры, народонаселение, политический дискурс.

Материал исследования, подлежащий анализу в настоящей статье, получен путем сплошной и репрезентативной выборки из политических текстов средств массовой информации и составил 3196 контекстов в политическом дискурсе Российской империи, 3158 контекстов в политическом дискурсе США, 3315 контекстов в дискурсе Британской империи. Источниковая база представлена прессой за период с 1850 года по 1905 год.

В ходе работы использованы печатные и электронные издания середины XIX века – начала XX века:

– Российской империи: «Атеней», «Бесѣда», «Вѣстникъ Европы», «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи», «Вся Россія», «Древняя и новая Россія», «Историческій вѣстникъ», «Колоколь», «Москвитянинъ», «Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности», «Морской сборникъ», «Нива», «Нижегородскія епархіальныя вѣдомости» и другие;

– США: «The Aspen Daily Times», «The Aspen Tribune», «The Bradford County Republican», «The Boulder Daily Camera», «The Castle Rock Journal», «The Colorado Transcript», «The Daily Journal», «The Greeley Tribune», «The Herald Democrat», «The Morning Times», «The Silver Cliff Rustler», «The Summit County Journal», «The New York Times» и другие (контексты из американских изданий приведены в тексте с пометой US);

– Британской империи: «The Aberdeen journal», «The Citizen», «The Daily New», «The Era», «The Freeman's Journal», «The Herald», «The Hampshire Telegraph and Sussex Chronicle», «The London News», «The London Standard», «The Morning Post», «The Star», «The Times», «The Western Times», «The York Herald» и другие (контексты из британских изданий приведены в тексте с пометой GB).

В контекстах, приводимых в работе для иллюстрации тех или иных положений, сохранена

орфография, пунктуация и шрифтовые выделения оригинальных текстов середины XIX – начала XX века российского, американского и британского политических дискурсов.

Статическая матрица, созданная на основе анализа фактического материала середины XIX – начала XX политических дискурсов трех стран, дает застывшую «фотографию» объекта исследования – модели будущего – в данный исторический период и используется для сопоставительного изучения образов будущего в российском, британском и американском политических дискурсах в синхронном срезе. Базовые параметры модели – «внутренняя» и «внешняя политика» – в свою очередь, разбиты на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего).

Среди индикаторов, составляющих параметр «внутренняя политика» при вербализации образа будущего Российской Империи в политическом дискурсе трех стран середины XIX века – начала XX века, наиболее востребованным является подпараметр «население», анализу которого посвящена настоящая статья (Российская империя: 1053 контекста, США: 369 контекстов, Британская империя: 566 контекстов). Подмножество включает демографический, территориальный и социально-культурный факторы.

Контексты, репрезентирующие рассматриваемый индикатор, являются наиболее востребованными в дискурсе трех стран, так как территория любого государства и его население во многом определяют его мощь в настоящем и обуславливают его потенциальные возможности: *A nation, no doubt, requires a large territory and a numerous population in order to be powerful* [10].

Наибольшее внимание уделяется территориальному фактору, поскольку, во-первых, территория является имманентной частью государства, а самосохранение территории представляет собой

защиту ее целостности, от которой зависит политическая и экономическая независимость страны. Во-вторых, внешнеполитические устремления Российской Империи являются причиной повышенного внимания зарубежных СМИ к вопросам, касающимся ее территориального пространства.

Россия – страна с огромной территорией, раскинувшаяся на просторах Евразии, уже благодаря своему географическому положению постоянно сталкивается с разнообразными вызовами на Западе, Востоке и Юге. Именно поэтому огромное значение в текстах СМИ рассматриваемого периода придается территориальному и демографическому факторам: *The czar rules over a territory more than 9,000,000 square miles in extent. That is twice as much as China, two and a half times as much as the United States, five times as large as Europe, forty-one times as large as Germany, and fifty times as large as France. Russia's population is more numerous than that of any two European powers outside their colonies and Russia's population increases much faster. At the end of the century it will be greater than that of the triple alliance* [8]. *The superficial extent of the Russian empire in Europe is 96,411 geographical miles, population, 63,932,081; in Asia, 239,556 miles, population, 7,300,812; in America, 17,500 miles, population, 10,7233 making a gross total superficies of 353,467 geographical miles, containing a total population of 71,243,616 souls* [21].

Интересно, что американско-британские СМИ акцентируют внимание на численных показателях, приводя конкретные цифры, факты, сравнительные характеристики, детализируя описание территориального и демографического параметров Российской империи в настоящем и их потенциального изменения в будущем. Для отечественного дискурса, напротив, типично обобщенное описание: *Изъ Европы переселяются въ Америку; Россія еще такъ обширна, что изъ Россіи переселяются въ Россію* [4].

По мнению американских и российских СМИ, территориальная экспансия России не мотивируется финансово-экономическими устремлениями, поиском рынков сбыта и сырья. Американские СМИ оправдывают территориальную экспансию Российской империи, считая ее врожденной способностью, талантом Российской державы: *Russia follows the expansive force within her, and aims at the rule of the world. The czar regards himself as the king of kings, and the same view is held by his people* [8]. В российских аналитических статьях середины XIX века – начала XX века также ставится под сомнение захватнический характер политической деятельности страны: *Вся исторія Россіи доказываетъ, что она врагъ завоеванія, что съ нѣкоторыхъ сторонъ приросли къ ней незначительныя области отъ случайностей, инициатива которыхъ была внѣ завоевательныхъ тенденцій со стороны Россіи и что съ одной стороны она и доселѣ недосчитывается одной, своей родной, прекрасной области и не домогается ея* [3].

Главными факторами формирования Российской Империи в политическом дискурсе США и России считаются стратегические интересы и территориальная безопасность государства: *Russia is powerful, strong in resources, and equal to France. It is neither her wish nor perhaps her policy to extend her frontier, but on the contrary to seek to maintain peace in order to insure a continuance of progress. She bears no ill will to other powers of Europe, but does not wish to see either of them claim particular preponderance in influencing its affairs, nor will she allow another to arrogate such a position* [19]. *Ни духъ русскаго народа, ни его религія не даютъ права предполагать въ душе Россіи завоевательныя замыслы. Если в результате неизбежной, большею частью оборонительной войны и являясь у Россіи лишній клочекъ земли; то смѣло можно сказать, что она объ немъ и не думала, когда отбивалась; что онъ прилипалъ къ ней самъ собою, въ силу логической послѣдовательности, въ награду за ея смиреніе и незлобіе, за энергичное отстаиванье праваго дѣла, за обузданіе чловѣческой дерзости и жадности* [2].

Британия, активно участвующая в разделе мира в XIX веке, напротив, акцентирует агрессивность политики Российской империи, ее откровенно экспансионистские устремления, даже необходимость захватнической деятельности страны для сохранения того, что ей принадлежит: *Russia, in the middle of the nineteenth century, remains essentially an aggressive Power with a thirst for conquest; she is constantly bent on expansion in the Balkan Peninsula, and beyond the Caucasus as well as in Central Asia* [20]. *To maintain what Russia possesses she must continue to be aggressive, to fight onward and onward till she reaches the vicinity of that golden land whose treasures will enable her to improve, to consolidate, to perfect what she has already absorbed* [13].

С негативной точки зрения в российском и американском политических дискурсах подчеркивается, что в России (в отличие от Америки) обширные пространства будут тормозить развитие страны: *The population of the United States is supplied by the world, while that of Russia is purely esoteric. To the slow natural increase of a northern climate there cannot be any acceleration, otherwise than by conquest. But as conquest adds surface as well as souls, the momentary gain is an eventual loss* [16].

Русские будут побеждены обширными территориями, которыми владеют – они становятся благом и проклятием одновременно: *Для энергическихъ внѣшнихъ действийъ Россіи этотъ тяжеловѣсный азіатскій приростъ будетъ нарушать естественное равновѣсіе Россіи, перетягивать ее въ одну сторону и связывать свободу ея движеній* [5].

В действительности, как отмечают исследователи, российская колонизация носила экстенсивный характер, представляя «движение вширь без качественного преобразования пространства» [6, с. 109], тем самым замедляя модернизацию страны

в настоящем и в будущем: *Всему долженъ быть предѣлъ, и терпѣнью и неблагоразумію, и присоединеніямъ. Куда же, куда наконецъ двигаться намъ? Мы дошли, кажется, чуть не до сказочныхъ странъ, гдѣ живетъ Жарь-птица и Кощей Безсмертный, чуть не туда ужъ, гдѣ бабы бѣлье на небо вѣшаютъ* [5].

В политическом дискурсе Британской империи обширные владения России видятся как причина ее вероятного распада – появление в будущем на территории страны нескольких славянских империй, либо трансформацию державы в Соединенные Славянские Штаты по аналогии с США: *It does not follow that a great expansion of Russian territory would mean a greatly-extended Russian Empire. It would probably mean the reverse. The unstably fabric, left to its own tendencies, would crack and split into fragments, and the world of future would have to deal with two or more Slav Empires* [12].

Не меньшее внимание в политическом дискурсе трех стран уделяется демографическому фактору государства. Причем, в дискурсе зарубежных СМИ он оценивается весьма положительно. Уровень рождаемости в царской России – один из самых высоких в мире: *A few years ago England, France, Russia, Austria and Germany were ahead of us in population and wealth, but we have outstripped them all in population except Russia* [7]. *The total population of Russia is 70,000,000* [9]. *The population shows an average increase of 781,000 a year, a percentage which would double the population in 58 years* [14].

В перспективе ожидается неуклонный рост численности населения страны: *It is to be ignorant not to appreciate the physical power of Russia. Russia holds one-sixth of the surface of the world, and is credited with a population of 135,000,000, which population is to be doubled in the next seventy years* [17]. *“The Russian cradle is never empty.” That it has been said, is the one solid fact which dominates the international question. This portentous growth of the Russian population is seen very clearly* [15].

Для российского дискурса середины XIX века – начала XX века характерны размышления о народе как о сущности, о едином организме, о его судьбе: *Народъ есть живое органическое цѣлое, созданное самою природою челоѣка и нерасторжимое, пока есть въ немъ жизнь. Всѣ члены народа сросшены во-едино нераздѣлимою, организующею его жизнь, силою народнаго духа. И народъ, и его государство созданы и живы только ею и сильны только ея мощью* [1].

Огромная территория Российской империи, ее демографический потенциал формируют представление о месте и роли страны в мире будущего, которое зарождается вместе с российским монархизмом: Москва – Третий Рим, преемница Византии. Россия объявляется оплотом христианства, а русский царь – царем над царями, поэтому задача России – возглавить все народы на пути к истине: *At this time Russia has been dreaming of universal*

empire in the East. It is her ambition to control Constantinople, to occupy Jerusalem. She bides her time: she punishes those who oppose her will; but she never forgets her dream [18]. *The will of Peter the Great, which the Czar keeps always unrolled, seems to be almost fulfilling itself. Constantinople, indeed, is still far off, and India is a sour grape; but Germany is already but the “wash pot” of St. Petersburg, and over Austria the Czar “casts out his shoe”. Nor could anybody doubt that this colossal power might eventually stamp out the thrones east and West, and dictate to humanity from Stamboul as the new Rome, the centre of an empire majestic, overwhelming, fatal* [11]. Интересно отметить, что мессианская идея характерна для политического дискурса рассматриваемых англоязычных стран. Она тесно связана с идеей державности, могущества российского государства и в американском дискурсе оправдывает экспансионизм России. Британия, усматривающая во внешнеполитических маневрах России угрозу собственным намерениям, а иногда – собственному существованию в роли великой державы, крайне негативно оценивает вероятность воцарения российских монархов в Стамбуле – в Новом Риме, который станет новой столицей России – величественной, бескрайней, роковой империи.

Таким образом, являясь самым частотным для синхронных моделей будущего в политическом дискурсе трех стран, подпараметр «народонаселение» представлен так: общий компонент – территориальная экспансия, увеличение численности населения. В негативном ключе в американском и российском политическом дискурсе предполагается, что огромные пространства будут тормозить развитие страны, в британском – допускается вероятность ее распада на несколько славянских государств.

Литература

1. Бѣседа, №1, 1971.
2. Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи, май 1863. Колоколь, март 1859.
3. Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи, март 1863.
4. Колоколь, март 1859.
5. Русь, №13, июль 1884.
6. Супоницкая, И. Россия и США: сравнение систем / И. Супоницкая. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 302 с.
7. The Aspen Weekly Times, 01.01.1884 (US).
8. The Aspen Tribune, 10.01.1896 (US).
9. The British Colonist, 03.01.1861 (GB).
10. The Examiner, 23.11.1855 (GB).
11. The Freeman's Journal, 02.09.1864 (GB).
12. The Hampshire Telegraph and Sussex Chronicle, 16.11.78 (GB).
13. The Hastings and St. Leonard's Observer, 27.03.1880 (GB).
14. The Manchester Courier and Lancashire General Advertiser, 12.11.1879 (GB).

15. *The Midland Daily Telegraph*, 19.03.1896 (GB).
 16. *The New York Times*, 19.03.1852 (US).
 17. *The New York Times*, 19.12.1903 (US).
 18. *The Pagosa Springs News*, 09.07.1987 (US).
 19. *The Rocky Mountain News*, 01.05.1867 (US).

20. *The Standard*, 14.04.1885 (GB).
 21. *The Western Daily Press*, 16.01.1860 (GB).

¹ Перечень процитированных в статье источников представлен с сохранением оформления автора статьи.

Солопова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); solopovaolga@narod.ru

Поступила в редакцию 28 апреля 2014 г.

Bulletin of the South Ural State University
 Series "Linguistics"
 2014, vol. 11, no. 2, pp. 42–45

SUB-PARAMETER "POPULATION" IN THE SYNCHRONIC MODEL "RUSSIA'S FUTURE" (BASED ON THE MATERIAL OF POLITICAL TEXTS (XIXth – XXth CENTURIES))

O.A. Solopova, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, solopovaolga@narod.ru

The present paper focuses on the results of researching the image of Russia's future, the tool being a static matrix. The sub-parameter under analysis is "population". Editorials from political discourses of the Russian Empire, the USA, the British Empire of the XIXth – XXth centuries serve the material for analysis. The author dwells upon common and specific features in modeling the sub-parameter in the discourses.

Keywords: cognitive-discursive approach, image of future, model, parameters, political discourse.

References

1. Beseda, № 1, 1871.
2. Vestnik Yuogo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii, May 1863.
3. Vestnik Yuogo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii, March 1863.
4. Kolokol, March 1859.
5. Rus', №13, June 1884.
6. Sponitskaya I. Russia and the USA: comparing the systems. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPAN), 2010. 302 p.
7. The Aspen Weekly Times, 01.01.1884 (US).
8. The Aspen Tribune, 10.01.1896 (US).
9. The British Colonist, 03.01.1861 (GB).
10. The Examiner, 23.11.1855 (GB).
11. The Freeman's Journal, 02.09.1864 (GB).
12. The Hampshire Telegraph and Sussex Chronicle, 16.11.1878 (GB).
13. The Hastings and St. Leonard's Observer, 27.03.1880 (GB).
14. The Manchester Courier and Lancashire General Advertiser, 12.11.1879 (GB).
15. The Midland Daily Telegraph, 19.03.1896 (GB).
16. The New York Times, 19.03.1852 (US).
17. The New York Times, 19.12.1903 (US).
18. The Pagosa Springs News, 09.07.1887 (US).
19. The Rocky Mountain News, 01.05.1867 (US).
20. The Standard, 14.04.1885 (GB).
21. The Western Daily Press, 16.01.1860 (GB).

Olga A. Solopova, Candidate Degree in Philology, Associate professor, South Ural State University (Chelyabinsk), solopovaolga@narod.ru

Received 28 April 2014